

## АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ

СЮЗАННА ГУЛЛАКЯН

История русских публикаций армянского сказочного фольклора началась сравнительно недавно—немногим более ста лет назад: в 1857 г. в С.-Петербурге вышла книга немецкого путешественника Августа фон Гакстгаузена «Закавказский край»<sup>1</sup>, в которой были помещены записи нескольких армянских сказок.

Август фон Гакстгаузен посетил Закавказье в 1843 г. Наблюдательный и пытливый путешественник объездил Грузию, Армению, Кахетию, Осетию, побывал в Кавказских горах. От его пристального внимания не ускользнуло ничего, поэтому книга его содержит очень много ценных сведений о «семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями». Особую ценность, на наш взгляд, представляют живые портреты встреченных им людей<sup>2</sup> и записи поверий, обычаев, нравов, а также легенд, сказок и песен. Сам Гакстгаузен в предисловии так обосновывал свой интерес к быту и национальной жизни народа: «... естественнo-исторические исследования еще не столько необходимы, ибо царство растений и ископаемых менее всего подвержены пермeнам времени; они тысячелетия остаются одинаковыми, между тем как памятники человеческих рук скоро распадаются и, наконец, совершенно исчезают; обычаи, нравы, образ жизни так же подвержены скорым изменениям, как и самые наречия; они изменяются постепенно и, наконец, замирают»<sup>3</sup>. Сознвая это, Гакстгаузен всюду наряду со сведениями о географии и истории края, об экономическом положении его жителей, записывает легенды, предания, мифы, сказки, в них-то, по его мнению, «яснее всего отражается история и дух народа»<sup>4</sup>. «Племена, населяющие эти страны,— пишет автор в предисловии,— могут гордиться таким богатством сказаний, мифов и преданий. чего нигде нет подобного. Только здесь несомненно существуют первоначальные элементы древнейших мифов и ле-

<sup>1</sup> Август фон Гакстгаузен, Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями, СПб., 1857.

<sup>2</sup> Среди них были не только простые крестьяне, торговцы, колонисты, дервиши, по и Хачатур Абовян и католикос Нерсес.

<sup>3</sup> Август фон Гакстгаузен, указ. соч., ч. 11, стр. 55.

<sup>4</sup> Там же.

генд. которых глубокого значения невозможно постигнуть совершенно без исследования настоящих их источников»<sup>5</sup>.

Армянских сказок, записанных и опубликованных Августом фон Гакстгаузенем, немного: это «Сказка о слуге, служанке и саде Соломона», «Сказка о неблагодарности людей», «Сказка о признательном волшебнике» и «Сказка о Султানে, сделавшемся счастливым на старости лет». Не владевший армянским языком Гакстгаузен слышал эти сказки, а также предания и легенды от немецкого колониста Петра Ней, жившего в Тифлисе и сопровождавшего путешественника в его поездке, и от дяди Хачатура Абовяна—Арутюна<sup>6</sup>.

По собственному признанию Гакстгаузена, он запомнил только небольшую часть того, что рассказывал ему знавший великое множество сказок Ней, которого он за это прозвал «очаровательная моя Шехеразада». Очевидно, что публикация эта носит случайный, непродуманный характер — «записал что слышал и что запомнил». И тем не менее она очень важна: эта первая по времени русская публикация и одна из ранних публикаций армянской сказки вообще зафиксировала и сохранила для будущих исследований армянские варианты известных сказочных сюжетов.

Сказки эти, прежде чем дойти до читателя, проделали довольно сложный путь: услышанные от армян немцем-колонистом, владевшим армянским языком, они были рассказаны Гакстгаузену, записавшему их по-немецки, а затем при издании книги в Петербурге были переведены на русский язык<sup>7</sup>. Ясно, что от специфической стилистики сказок, от их национального колорита ничего не сохранилось. Не сохранены реалии быта, нет ни одной традиционной сказочной формулы, ни одного армянского имени или названия. Можно ли в таком случае считать эти сказки армянскими? Единственным аргументом в пользу положительного решения этого вопроса должно служить свидетельство П. Ней, слышавшего эти сказки от армян, на армянском языке<sup>8</sup>. Свидетельство это доказывает, что данные сказки бытовали в армянской среде, были популярны в народе, следовательно, могут быть причислены к армянским вариантам широко известных международных сюжетов.

<sup>5</sup> Там же, стр. 11.

<sup>6</sup> Там же, стр. 54—55.

<sup>7</sup> Благодаря немецкому изданию эти сказки стали достоянием европейских фольклористов.

<sup>8</sup> Личность Петра Ней, выступившего в роли сказителя, была весьма примечательной. Вот так характеризует его Гакстгаузен: «Важнейшее для меня знакомство было проводник и переводчик мой—сапожник Петр Ней. Это был настоящий оригинал... Для меня он был неоценимым сокровищем; он знал несколько европейских и азиатских языков: немецкий, французский, русский, черкесский, турецкий, армянский, грузинский, персидский, курдский и пр. Память у него была удивительная; шутя, он в шесть недель совершенно выучился новому для него языку. Эти качества соединились в нем с поэтической душой; у него был неисчерпаемый запас сказок, преданий, и песен всех народов, которые он когда-либо посещал...» (Август фон Гакстгаузен, часть II, стр. 42—43).

В силу этого эти четыре сказки непременно должны быть учтены при изучении армянского сказочного репертуара.

Вопрос о том, учитывать ли иноязычные публикации сказочных текстов при изучении национального репертуара, приобретает особую актуальность, когда приходится иметь дело не с четырьмя текстами, как в случае с книгой Гакстгаузена, а с большими коллекциями, включающими несколько десятков сюжетов. Например, с известным «Сборником материалов для описания местностей и племен Кавказа», издававшимся Управлением Кавказского учебного округа. С 1881 по 1915 год вышло 44 выпуска. Каждый выпуск «Сборника» содержал богатый и разнообразный материал по истории, географии, статистике, этнографии, фольклору народов, населяющих Кавказ. В первом выпуске сообщалось о целях издания — помочь местным учителям в изучении края, дать им возможность заняться деятельностью, которая, с одной стороны, расширит их познания об истории и культуре народа, с другой — позволит накопить новые сведения, имеющие научную ценность. В первом же выпуске была напечатана программа собирания этих сведений. Особое внимание с самого же начала уделялось фольклорным материалам. В программе предлагалось собирать также легенды, сказки, пословицы, поговорки на русском и местных языках. Во втором выпуске «Сборника» (1882 г.) были напечатаны «Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов», составленные известным фольклористом Гр. Н. Потаниным. Этот вопросник призван был дать определенное направление деятельности собирателей, обратить их внимание на темы и проблемы, представляющие научный интерес.

Тексты сказок начали печататься в «Сборнике материалов» уже со второго выпуска. Из 44 выпусков сказки помещены в 33. Это сказки грузинские, армянские, татарские, осетинские, аварские, русские и др. Армянские сказочные тексты числом более 120 опубликованы в 10 выпусках — V (1886 г.), VII (1889 г.), IX (1890 г.), XIII (1892 г.), XIX (1894 г.), XX (1894 г.), XXI (1896 г.), XXIV (1898 г.), XXVIII (1900 г.), XLII (1912 г.). Сначала тексты печатаются без всяких комментариев, указывается только собиратель, изредка — место, где записана сказка. Собиратели — в основном преподаватели и учащиеся местных школ, училищ и семинарий. В более поздних выпусках (начиная с XIX) указывается также указатель и время записи.

Комментарии к сказкам впервые были напечатаны в XII выпуске (1891 г.). Это весьма интересная «Заметка» Вс. Ф. Миллера, выдающегося русского фольклориста, о кабардинской сказке «Красавица Елена и богатырь-женщина».

«Заметка» Вс. Миллера, отличающаяся тщательностью анализа и аргументированностью выводов, очевидно, стала своего рода образцом для авторов последующих комментариев к сказочным текстам, публикуемым в «Сборнике», однако ее научный уровень оказался для них недоступным. Первый такой комментарий, составленный А. Бого-

явленским (учителем 2-й Тифлисской мужской гимназии), был помещен в XIII выпуске «Сборника». Упоминаются в нем и армянские сказки. Начиная с XIX выпуска публикация сказок, как правило, предваряется предисловием с указанием параллелей, а с XXI выпуска—помещается также «указатель предметов (мотивов сказок)». Авторы комментариев и указателей—Л. Г. Лопатицкий, инспектор Пятигорской гимназии, активный участник издания, автор многих статей, а также А. Богоявленский и М. Каган (учитель 3-й Тифлисской женской гимназии).

Надо отметить, что комментарии к сказкам, написанные в духе широко распространенной тогда миграционной теории, носят довольно диететический характер: они содержат только описание сюжета с указанием известных параллелей. Для суждения привлекаются тексты, опубликованные в различных выпусках «Сборника», и сказки из Афанасьевского собрания. Дальше констатации сходства между различными сказками, их мотивами и персонажами комментаторы не идут. Поэтому статьи эти, даже разных авторов, очень схожи между собой нагромождением параллелей и видимой научностью.

Гораздо больший интерес представляют указатели предметов (мотивов сказок)—они препарируют сюжет изнутри, выявляя в основном различные реалии, а также некоторые мотивы. Указатели эти составлены недостаточно продуманно, без четко обозначенного принципа, что затрудняет использование их для анализа опубликованных текстов. Найти тот или иной мотив в таком указателе довольно трудно, так как регистрируется то субъект (*ведьма* подбивает на трудную задачу; *колдунья* возвращает заколдованному прежний вид), то действие (*выбрасывает* немая изо рта ящерицу; *воспитывает* мальчика великан), то качество субъекта или объекта действия (*благодарный* черт; *притворная* болезнь; *немая* царевна; *чудесное* зачатие). Нередко регистрируются мотивы несодержательные, не несущие сигнала о типе сюжета, например,—*ветка*, оторванная в руках героя; *приближенья* противника издали. Все эти примеры взяты из XXI выпуска «Сборника». Однако в последующих выпусках характер указателя не меняется—в последнем, XLII выпуске, указатель имеет те же недостатки: опять на первом месте то субъект, то объект, то действие, то эпитет (*ведьма* держит взаперти красавицу; *глаза* вынимают; *братаются* два силача; *волшебное* платье и т. д.). Опять встречаются мотивы бессодержательные, незначимые—на *берегу* моря избушка; *избавление* от опасности и т. п. Наряду с этим не регистрируются, не выявляются персонажи и мотивы сюжетообразующие.

Начиная с XXIII выпуска сказки, кроме указателя предметов (мотивов), снабжаются также указателем имен, который регистрирует имена собственные и географические названия.

Однако ценность публикаций, помещенных в выпусках «Сборника», не в комментариях и указателях, а в самих текстах.

Как мы уже говорили, в 10 выпусках из 44 помещено более 120 ар-

мянских сказок, не считая легенд, преданий, анекдотов. Сказки разные—волшебные, бытовые, о животных. Собиратели представили самые популярные в армянском сказочном репертуаре сюжеты (то ли в результате специального отбора, то ли случайно—из-за их частой повторяемости). Среди сказок, опубликованных в различных выпусках «Сборника материалов», есть варианты широко известных сюжетов: о царевиче, женившемся на лягушке, о невинно оклеветанной жене, о царевиче, научившемся ремеслу, о благодарном мертвеце, о тысяче-голосом соловье, о девушке, заслужившей мужской пол, о ловком воле и т. п. Для исследователя эти варианты представляют большой интерес. Записанные в период с начала 30-х гг. до середины 1910-х гг. в основном в Эриванской и Елисаветопольской губерниях, они являются собой очень ценный материал для изучения истории бытования международных сюжетов в данном регионе, характера и особенностей контаминации известных мотивов. Для выявления этих особенностей варианты, опубликованные в «Сборнике материалов», должны быть сопоставлены с другими записями, например, экспедиций Е. Лалаяна, собиравших фольклор в то же время и почти в тех же районах.

Правда, здесь может возникнуть вопрос—насколько эти записи точно передают текст, рассказанный оказителем, не подверглись ли они значительной литературной обработке, можно ли считать их подлинными? Разумеется, следы некоторой литературной обработки ощущаются во всех текстах—и это понятно: сказка, услышанная и, быть может, записанная на каком-либо армянском диалекте, опубликована на русском языке. Причем это не точный перевод текста, а его изложение. Уже это предполагает определенную обработку, которая, несомненно, лишает сказку первоизданности, придает ей некий общевосточный колорит, и в то же время местами приближает к стилистике русской сказки. Однако в целом тексты сказок, опубликованных в «Сборнике», вызывают доверие—собиратели бережно излагают сюжет, не внося в него чуждых элементов, не нарушая сказочную традицию. Опубликованные сказки—результат *совместного* творчества оказителей, крестьян из Зангезурского, Шемахинского, Шушинского и др. уездов, и собирателей-любителей, каждый из которых мог также выступить в роли рассказчика, носителя фольклора. Сказочные тексты, опубликованные в выпусках «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», отвечают одному из главных требований, которые предъявлял известный русский фольклорист Н. П. Андреев к фольклорному тексту: они несомненно демократичны. Русский ученый «отдавал предпочтение «случайным» текстам, записанным от разнообразных рассказчиков, а не записям со слов единичных мастеров сказочников... стремился услышать многоликий народ в его многоглазии»<sup>9</sup>. Никому неведомые крестьяне из армянских сел, скромные пре-

<sup>9</sup> И. Левин, Н. П. Андреев и сказки Абхазии («Абхазские народные сказки», М., 1975, стр. 429).

подаватели-труженики, собирающие по крохам богатство народной словесности, и представляют в «Сборнике материалов» «многоликий народ в его многогласии».

Что же касается стилистики опубликованных текстов, то она также должна стать предметом исследования как явление особого порядка «не только в текстологическом, но и социально-психологическом отношении»<sup>10</sup>. И. Левин, которому принадлежат эти слова, совершенно справедливо утверждает, что «внимания ученых заслуживает не только *рассказчик*, со слов которого сделана запись произведения (автором которого он заведомо не является), но и сам *фольклорист*, оставивший ее для потомства. Литературоведам уже давно пора обратить внимание не только на отдельных создателей сборников фольклора (в оригинале и тем более в переводах), но и на весь этот жанр и на его читателей, как на сложное явление советской и мировой культуры»<sup>11</sup>.

Первое, что бросается в глаза при чтении сказочных текстов, опубликованных в «Сборнике материалов», — это сходство языка сказок самых разных народов. Очевидно, редакторы при публикации текстов основательно нивелировали их, приводя к какому-то среднему образцу. Сказки татарские, прусские, армянские, аварские и др. почти не отличаются по стилистике, различие — и то не ярко выраженное — в реалиях. В некоторых сказках соседствуют отличительные реалии армянского быта и приметы совершенно инородные. Например, в сказке «Сын рыбака»<sup>12</sup> рядом с *хатой* и *камином* упоминаются *тондыр* и *хнамакар* («камень, на который должны садиться люди, пришедшие просить царскую дочь замуж» — прим. собирателя).

Имена сказочных персонажей почти везде одинаковые, преимущественно тюркские. Они введены в текст собирателями. Об этом прямо говорится в редакционном примечании к одной из сказок VII выпуска: «Большая часть собственных имен в печатаемых сказках вставлена собирателем для удобства рассказа, в народе же сказки эти рассказываются с опущением собственных имен, если только последние не характеризуют метко, самым прозвищем известное лицо: Чигалти — иней, т. е. белый, как иней, Чыплаг — голый, Таптут — найденный и т. д.»<sup>13</sup>.

В результате сильной редакторской правки сказки, в том числе и армянские, приобрели не свойственный им характер сентиментального повествования, изобилующего литературными штампами и красотами. Вот два характерных примера.

«Раз Назлу, сидя на камне, на берегу моря, изливала свою тоску в песне, хватавшей за душу, а в это время один царевич охотился там. Молодому царевичу любопытно стало, кто такая эта пастушка, а пото-

<sup>10</sup> Там же, стр. 430.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXIV, Тифлис, 1898, стр. 114—117.

<sup>13</sup> Там же, вып. VII, стр. 188.

му он направил свои шаги к ней. При виде ее, царевич был поражен до толе им не виданной прелестью пастушки: ему казалось, будто Провидение приложило все свое старание, чтобы создать это чудо красоты. Наконец он подошел к ней и дрожащим голосом спросил: «О ком ты грустишь, милая пастушка?»<sup>14</sup>.

«Вачатан был удивлен рассудительным ответом девицы, а еще больше ее красотой. Ее большие черные глаза, полные огня, мило выглядывали из-под густых ресниц. Длинная коса, ниспадавшая с обнаженной головы, широкий лоб, нос и губы, достойные кисти художника, были ее природным украшением... Черты лица и особенно таинственный взор ее очей окончательно пленили сердце Вачатана»<sup>15</sup>.

Примеров подобного рода много: по всей вероятности, редакторы и переводчики испытали сильное влияние книжной литературы, причем не в лучших ее образцах.

В текстах «Сборника» заметно также влияние стилистики русского сказочного фольклора. Так, в армянских сказках почти отсутствуют характерные сказочные формулы и много русских традиционных формул: «Долго ли коротко ли ехали братья, неизвестно: скоро сказка оказывается, да не скоро дело делается...»<sup>16</sup>; «Великий царь, не вели меня казнить, вели миловать»<sup>17</sup>; «девочка была невиданной красоты, что ни в сказке сказать, ни пером описать невозможно»<sup>18</sup>; «Свадьбу сыграли торжественно, и Алп стал жить-поживать со своей царевной, да добра наживать»<sup>19</sup>.

Начальные формулы, как правило, передаются русским «жил-был»; порою они заменяются зачином русской сказки: «В некотором царстве, в некотором государстве, только не в том, в котором мы живем»<sup>20</sup>.

Финальные формулы обычно отсутствуют, но иногда даются различные варианты традиционной восточной концовки: «С неба упало три яблока: одно мне — рассказчику, другое вам — слушателям, а третье — всему свету».

С первого же выпуска «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» привлек внимание широкой научной общественности: в научный оборот был введен обширный этнографический, фольклорный, лингвистический материал. Важное значение издания, принятого Управлением Кавказского учебного округа, было отмечено Вс. Ф. Миллером в его краткой рецензии на I и II выпуски. «Едва ли есть такая область науки, по отношению к которой Кавказ не представлял бы высокого интереса, а между тем еще в очень многом эта страна, к сожалению, может быть названа *terra incognita*. Главная причина та-

<sup>14</sup> Там же, вып. XIX, II отд., стр. 205

<sup>15</sup> Там же, вып. XXVIII, II отд., стр. 35.

<sup>16</sup> Там же, вып. XLII, стр. 21.

<sup>17</sup> Там же, стр. 24.

<sup>18</sup> Там же, стр. 49.

<sup>19</sup> Там же, стр. 42.

<sup>20</sup> Там же, стр. 30.

кого явления, конечно, не заключается в отсутствии деятельности и энергии в среде русских ученых, а в свойстве самого предмета изучения. Здесь пространство сравнительно небольшое по географическому протяжению представляет гораздо большее разнообразие по отношению к естественным условиям, почве, климату, народностям, религии и т. д., нежели другие части России и уже по этому самому гораздо более обильный материал для науки. Такая область, как Кавказ, необходимо требует и большего числа исследователей даже в количественном отношении, а между тем число исследователей сравнительно с количеством научных задач на Кавказе представляется совершенно ничтожным. Без энергического содействия местного общества никакие ученые временные экспедиции не в состоянии достигнуть больших результатов. То, что заезжим ученым дается с крайним трудом, может быть сравнительно легко достигнуто деятельностью местных жителей... Наука по отношению к Кавказу нуждается прежде всего еще в собирании материалов, а этой цели могут по многим вопросам содействовать не только учителя, но даже ученики старших классов учебных заведений и сельские писаря. Необходимо только, чтобы «добровольцы» науки знали, что для нее пригодно и как следует приняться за дело; нужно, чтобы они сознавали, что все, что их окружает, что они видят повседневно, может быть интересным материалом, если его собрать умеючи и изложить толково, не мудрствуя лукаво и не уклоняясь в область личных догадок и скорооспелых заключений»<sup>21</sup>.

Через десять лет в рецензии на XV, XVI, XVII выпуски Миллер писал: «Если мы сравним небольшую первую книжку «Сборника», вышедшую в 1881 году, с тремя объемистыми книгами, содержащими более 100 печатных листов, выпущенными Управлением Кавказского учебного округа в 1893 году, то наглядно убедимся, какие блестящие результаты достигнуты округом в деле научного описания и исследования местностей и племен Кавказа. Можно положительно сказать, что ни в одной области России этнографическое изучение не ведется так плодотворно и с такой неутомимой энергией, как на Кавказе»<sup>22</sup>.

Каждый отклик Вс. Миллера на выпуски «Сборника» содержал также анализ всех значительных материалов по вопросам археологии, этнографии и фольклора. В поле зрения ученого оказались и опубликованные сказки, в том числе армянские.

В своих работах, посвященных связям русского и кавказского эпоса, Вс. Ф. Миллер широко привлекал фольклорный материал из различных выпусков «Сборника». В ряде статей упоминаются Миллером и армянские сказки, например, в работе «Кавказско-русские параллели»<sup>23</sup>, в рецензии на «Сборник материалов», вып. XIII<sup>24</sup>. Эти статьи, так же, как

<sup>21</sup> «Журнал министерства народного просвещения», 1883, ч. ССХХV, отд. 2, стр. 385 (далее—ЖМНПР).

<sup>22</sup> Там же. 1894, ССХСІ, стр. 185.

<sup>23</sup> «Этнографическое обозрение», кн. X и XI, 1891, стр. 9—10.

<sup>24</sup> ЖМНПР. 1893, № 1, стр. 230—231, 235.

работа Гр. Н. Потанина «Св. Касьян и сказка о больной царевне»<sup>25</sup>, содержащие упоминание об армянских сказках, интересны уже одним тем, что вводят в научный оборот материал, неизвестный или мало известный русской науке. Правда, многие положения этих статей устарели, армянская сказка в них рассматривается как иллюстративный материал, нигде не становясь предметом специального анализа. Однако это не умаляет значения фольклорных публикаций «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» — они сделали доступной для научного изучения армянскую сказку, а главное — сохранили интересные варианты известных сказочных сюжетов, тем самым заметно расширив возможности исследования армянского сказочного репертуара.

История русских дореволюционных публикаций не знает другого такого широкого издания армянской сказки, как «Сборник материалов». Все другие публикации носят случайный, эпизодический характер. Так, две армянские сказки были напечатаны в журнале «Этнографическое обозрение» — кн. 31 (1896 г.) и кн. 45 (1900 г.). В обоих случаях они являются иллюстрациями к статьям этнографического характера. Первая сказка — «Овчи-кярам» в записи священника Г. Бунятова (активного корреспондента «Сборника материалов») дополняет его же статью «Домашнее воспитание женщин у армян» (стр. 129—133), вторая — «Сказка о солнце и луне» — напечатана в статье Ф. Джейранова «Некоторые данные по верованиям армян Елисаветопольской губернии» (стр. 171—173).

В 1898 г. в Москве вышло второе издание сборника «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». В этом сборнике проф. С. А. Егиазаров, также в качестве иллюстрации к заметке, посвященной поверьям армян о вознесеньской ночи, приводит записи трех сказаний — «Жадность к золоту», «О бессмертии (Армянский Фауст)», «Пленный царевич и Дух-Мрака».

Все эти сказки (и в «Этнографическом обозрении», и в сборнике «Братская помощь») по стилистике почти не отличаются от публикаций в «Сборнике материалов».

Эти единичные публикации, конечно, не имеют заметной ценности, они привлекают внимание лишь как свидетельство возросшего интереса русской научной общественности к армянскому фольклору. А вместе взятые русские публикации, о которых говорилось выше, — значительный этап в истории изучения армянской сказки.

<sup>25</sup> «Этнографическое обозрение», 1902, кн. III, стр. 103.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԵՔՏԱԹՆԵՐԸ ՄԻՆՋՀԵՂԱՓՈԽԱԿԱՆ ՌՈՒՍԵՐԵՆ  
ՀՐԱՏԱՐԱԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

ՍՅՈՒՋԱՆԱ ԳՈՒԼԱԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Հայկական հեքիաթի մինչհեղափոխական ռուսերեն հրատարակություններից է Ավգուստ ֆոն-Հակատհուզենի «Закавказский край»-ը (1857), որի էջերում տպագրվել են հայկական չորս հեքիաթների։ Այդ առաջին հրապարակումը հետագա ուսումնասիրությունների համար պահպանել է համաշխարհային լայն ճանաչում դառած հեքիաթային սյուժեների հայկական արձերակները։

Կովկասյան վարչության ուսումնական օկրուգի ձեռնարկած հայտնի «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» հրատարակությունը (1881—1915 թթ., 44 թողարկում) ամփոփում է մոտ 120 հայկական հեքիաթ։ Հավաքողները (աեղական ղարոցների, ուսումնարանների և սեմինարների ուսուցիչներ և աշակերտներ) ներկայացրել են հայկական հեքիաթներում ամենից ավելի տարածված սյուժեները, որոնք հիմնականում զրառվել են ելիդավեառապոլյան և երևանյան նահանգներում։

«Этнографическое обозрение» պարբերականում հրապարակվածները սակավաթիվ են և կրում են պատահական բնույթ։ Հայկական հեքիաթի մինչհեղափոխական ռուսերեն հրատարակությունները այն դրել են գիտական շրջանառության մեջ, զրառվելով ռուս ընթերցողների ուշադրությունը։